

ДОКЛАД
**«Внутриполитический кризис в Абхазии.
«Разгерметизация» государства»**

Источники: ведущие эксперты, политологи, журналисты России и Абхазии

Москва-Сухум
август 2016

СОДЕРЖАНИЕ:

1. Введение	стр.3
2. Внутриполитический кризис в Абхазии 2014-2016 гг.	стр.6
3. Причины и следствия «колониальной политики»	стр.15
4. Выводы и рекомендации	стр.18

1. Введение

Происходящее сегодня в Республике Абхазия большинство экспертов считают началом полномасштабного политического кризиса по образцу того, что привел в 2014 году к отставке президента Александра Анкваб.

Если развитие ситуации пойдет именно по такому сценарию, то Абхазия получит устойчивую репутацию "банановой республики", в которой власть меняется исключительно с помощью переворотов. Это будет ударом не только по репутации и имиджу Абхазии, но и России как страны, первой признавшей государственный суверенитет этой страны.

Политический ландшафт Абхазии 2016

Эксперты описывают нынешнюю кризисную ситуацию в Абхазии как усилия целого ряда разнонаправленных внутренних сил.

Сила № 1 - это действующая власть во главе с Раулем Хаджимба и поддерживающие ее кланы.

Сила №2 – «классическая» оппозиция (сторонники экс-президента А. Анкваба) во главе с Асланом Бжания и руководством партии "Амцахара" .

Сила №3 - группа центристских партий и движений, к которым можно отнести "Единую Абхазию" Сергея Шамба и "Апсадгьил" Беслана Эшба.

Сила № 4 - выходящие на сцену новые политические силы типа партии "Айнар". В текущий момент этой силой пытаются манипулировать люди из действующей власти. Но как показывает опыт других стран, рано или поздно "Айнар" вырвется из-под контроля и попытается отформатировать политическое поле Абхазии по своему усмотрению.

При этом и во власти, и в оппозиции есть радикальные силы, которые хотели бы перевести процесс в сторону силового выяснения отношений. Со стороны власти такой радикальной силой является так называемый "ардзинбовский клан", представители которого намерены взять под контроль наиболее ликвидные активы Абхазии (санатории, гостиницы, полезные ископаемые и т.д.) Со стороны оппозиции таковыми являются отдельные члены «Амцахары» из числа ветеранов отечественной войны абхазского народа 1992-1993 гг. и представителей криминалитета (так называемое «боевое крыло»).

Ныне второстепенные фигуры из партии "Айнар" в ситуации реальных столкновений также могут выйти на первый план.

В этой связи очень показателен факт участия бывшего начальника УВД Сухума Дмитрия Дбар в штурме здания МВД 5 июля 2016 года. При этом в абхазском экспертном сообществе считается, что Дмитрий Дбар организовывал беспорядки по поручению бывшего президента Александра Анкваб.

Затяжной политической кризис, в котором будут превалировать радикальные силы той или иной направленности в настоящее время является вполне реальным сценарием развития ситуации в республике.

Политический кризис в Абхазии может быть усилен в результате произошедшей в июле 2016 года отставки правительства. Напомним, что премьер-министр Артур Миквабия был смещен на Беслана Барциц. Действительно фигура Миквабия не пользовалась поддержкой широких слоев абхазского общества. Однако Барциц является фигурой еще более непопулярной. Более того, формирование правительства Барциц произошло не на основе широкой коалиции, а фактически по принципу отдачи предпочтения одному из кланов.

Безусловно, кризисная ситуация в Абхазии не могла сложиться без участия (действием или бездействием) курирующих структур российско-абхазских отношений. Те или иные силы в республике традиционно ищут условной поддержки в Москве в соответствующих ведомствах. Последние упорно относятся к суверенному соседнему государству как к внутреннему региону в парадигме предыдущей практики организации российской внутренней политики 00-х гг.

Большинство экспертов указывают на ряд серьезных оплошностей в российско-абхазском диалоге:

- полное игнорирование особенностей абхазского общества. В первую очередь, особенностей этнопсихологических;
- явно смещенные акценты в лоббировании вопросов, которые вызывает волну конфликтности в абхазском обществе. В первую очередь, речь идет о лоббировании закона о либерализации рынка недвижимости для иностранных граждан;
- искусственное создание образа врага из некоторых абхазских политических сил. В качестве примера можно привести партию «Айнар», которая была объявлена «антироссийской», что вызывает только недоумение в абхазском обществе;
- полное игнорирование партий, которые считаются основными партнерами Москвы в Абхазии. В частности, известно, что представители движения «Апсадгьыл» и «Единая Абхазия» предлагали компромиссные варианты в деле разработки закона о либерализации рынка недвижимости;
- отношение к союзным абхазским политическим партиям («Единая Абхазия», «Апсадгьыл») как к инструменту краткосрочного влияния при полном игнорировании возможностей игры с этими партиями в долгую;
- попытка использования противоречий между абхазской и армянской этническими общинами в своих интересах.

По мнению целого ряда местных экспертов, целью текущего переформатирования политического поля Абхазии по инициативе из вне

является смена всей нынешней политической элиты, привод к власти в Абхазии своего рода «варяга» из числа представителей московской абхазской диаспоры.

Таким образом, в настоящее время прогноз развития внутривнутриполитической ситуации в Абхазии и российско-абхазских отношений – негативный. В нашем докладе мы попробуем подробно разобраться в причинах сложившейся ситуации и дать рекомендации по смягчению и дальнейшему решению возникшего кризиса.

2. Внутривполитический кризис в Абхазии 2014-2016 гг.

Текущая ситуация во внутренней политике в Абхазии характеризуется резким и заметным для внешнего наблюдателя усилением политической борьбы. В политику приходит много новых сил, новых людей.

При этом дебютанты не стремятся интегрироваться в существующие крупные политические силы, а напротив, создают свои общественные и политические организации. С одной стороны, существует объективная нехватка доверия к традиционным акторам абхазского политического поля. С другой, в новой политической среде существуют мало соотносящиеся с реальностью мысли о возможности капитализации политической деятельности.

Сейчас наступил очень интересный момент внутривполитической жизни республики. Время, когда практически полностью выдохся традиционный алгоритм абхазских политических процессов – бинарное противостояние власти и оппозиции с вовлечением большого количества граждан. Массам перестает быть интересной политика, поскольку укрепляется мнение о том, что изменения в жизни страны к лучшему через борьбу политических сил не происходят.

По результатам исследования, проведенного одной из российских экспертных групп в Абхазии в период сразу после референдума в июле 2016 рейтинг действующего президента Рауля Хаджимба, постоянно падавший практически сразу после избрания, впервые показал рост. На конец июля поддержку президенту оказывают немного меньше 40% граждан. При этом сразу следует подчеркнуть, что это не столько рост рейтинга главы государства, а, скорее, антирейтинг оппозиции. Результаты опросов показывают, что рост рейтинга главы государства происходит вследствие необдуманных действий оппозиции 5 июля, когда была предпринята попытка штурма МВД Абхазии. В абхазском обществе сегодня нет запроса на «агрессивную» политику, в чем ситуация принципиально отличается от той, которая была весной 2014 года. Можно так сказать: рост рейтинга президента подталкивают действия оппозиции, предлагающей обществу экспрессивную, «митинговую» политику, цель которой, очевидно, свержение власти. Но в обществе эта повестка, несмотря на то, что люди в большинстве своем считают, что президент не оправдал их ожиданий, не находит поддержки. В целом, эпоха «митинговой» политики в Абхазии проходит. «Разочарование» политикой заметно и по падению интереса ко всем политическим силам страны – как к старым, имеющим имена и репутацию в обществе, так и к

новым, только недавно образовавшимся. Результаты опросов показывают, что взрывной рост числа политических организаций в последнее время, усиливает недоверие общества к политике и политикам.

В частности, рейтинг главного оппозиционного кандидата Аслана Бжания сегодня немного не дотягивает до 25 %. Центристские политические партии ("Единая Абхазия", "Апсадгьил") в случае консолидации на предстоящих парламентских выборах в один избирательный блок могут набрать до 22%.

Интересно, что роста рейтинга такой партии, как "Айнар" не происходит. Их рейтинг устойчиво колеблется в диапазоне 8-10%.

Стоит отметить, что граждан критически не устраивает качество связи политической среды и общества. Большая часть политических процессов происходит в кулуарных элитных договоренностях, в медийной среде, в лучшем случае в парламенте и т.д. Прямого диалога с обществом у политиков нет, они не ездят в регионы, не встречаются с коллективами, образовательными учреждениями, не занимаются благотворительной деятельностью и т.д. Как бывало ранее. Вероятно, те политические силы, которые вернутся к нормальной политической деятельности, могут иметь шанс усилить свое влияние в обществе. Но опросы показывают, что сама по себе модель «политической партии» все меньше пользуется общественным доверием. Есть запрос на общественные силы, которые бы выступали с конкретными идеями, фокусируя свою деятельность вокруг реализации той или иной конкретной задачи.

Президент Рауль Хаджимба вот уже два года у власти, то есть, он уже подходит к тому сроку, какой смог удержаться у власти его предшественник Александр Анкваб. Нынешний кризис, связанный с референдумом о переносе выборов президента, он сумел развернуть в свою пользу. Оппозиция не учла изменений в общественных настроениях, реализуя самый жесткий сценарий практически силового противостояния. Провал референдума – это показатель того, что населению в целом становится все менее интересна такая имитация политики ради самой политики. Но частная победа президента не помогла убрать причины для новых политических кризисов.

У оппозиционных сил, представленных главным образом партией «Амцыхара» сейчас сузилось поле для маневра – тактика организации агрессивных политических кампаний себя исчерпала.

Однако, тем не менее, острота политических процессов в Абхазии сохраняется. Этому способствуют множество факторов.

Во-первых, абхазская политика остается не просто сферой дискурса идеологий, проектов и программ, а базируется в первую очередь на личных отношениях участников. Степень личной приязни или неприязни тех или иных фигур чрезмерно сильно влияет на политическое пространство в целом.

Во-вторых, происходит нарастающая фрагментация всей государственно-общественной системы. С течением времени власть утрачивает статус главного игрока на политическом, социальном и экономическом поле страны. То есть, в данный момент по линии «магистрального» направления абхазской политики, противостояния власти и оппозиции мы, на первый взгляд, видим некоторое усиление позиций власти и крайне слабую игру оппозиции.

Но в целом имеет место усиливающийся кризис легитимности власти и рост альтернативных центров силы, которые представляют, зачастую, не политические, а именно силовые вооруженные союзы, сложившиеся вокруг тех или иных влиятельных персон. Таких людей в Абхазии всегда было много, и их окружение всегда имело оружие, но они считались с тем, что основным источником силы является власть, а точнее – лично президент республики.

Теперь же, по ряду причин, в том числе и экономического характера – власть не может обеспечить этим элитным группам доступ к требуемому ими ресурсу. Причем не из-за жадности, а в силу крайнего сокращения ресурсов. В результате эти формально околовластные группы обособляются, формулируют понимание о собственных интересах и готовы их отстаивать, координируя свои действия с президентом.

Развитие таких альтернативных центров политического поля – это, наверное, самый опасный процесс в текущей абхазской политике. Это практически неиссякаемое сырье для воспроизводства все новых и новых кризисов. Амбиции и желания этих групп будут факторами, которые способны не просто разово обострить ситуацию, а стать постоянным источником нестабильности в республике.

Если говорить о конкретных именах, то это, в первую очередь, министр обороны Мираб Кишмария, мэр Сухума Адгур Харазия, депутат парламента Кан Кварчия и др. Среди таких фигур много людей, не связанных с властью напрямую. Серьезный силовой ресурс есть также у бывшего министра

внутренних дел Рауля Лолуа, а также у лидера одного из новых оппозиционных движений, зятя бывшего президента Анкваба Дмитрия Дбар.

Возникает действительно опасная для стабильности государства ситуация, при которой теряется единый центр силы, и начинается «война всех против всех».

Поэтому политические кризисы в дальнейшем будут все реже протекать по классической схеме бинарного противостояния власти и оппозиции. Их поводы будут связаны с борьбой не за высший пост в государстве, а за какие-то конкретные приземленные вещи – как это сейчас происходит на Украине. Однако учитывая «разгерметизацию» государства, таких групп будет все больше, аппетиты будут расти, власть продолжит слабеть и продолжать неконтролируемо делиться на политико-силовые фракции.

Третья важная причина усиления политических конфликтов – социально-экономический регресс Абхазии. Это очень объемная тема, требующая отдельного доклада, но обозначим её основные направления.

Это резкое сокращение реальных доходов населения, в первую очередь, близких к вышеупомянутым «элитным» группам, в среде которых происходило перераспределение внешних доходов – финансовых средств, получаемых из России в рамках тех или иных программ социально-экономического содействия.

Через них также проходили инвестиции частных компаний, занимавшихся бизнесом в Абхазии. Сейчас первый поток стал более структурированным, менее размытым, от него сложнее «отщипнуть» или направить его в нужное выгодополучателю русло. Второй поток в связи с экономическим кризисом практически полностью иссяк.

На других уровнях также наблюдается заметное сокращение доходов. Малый и средний бизнес находится во многом на грани выживания и существует только за счет курортников.

Напомним, скачок уровня жизни в 2009 – 2013 годах был во многом связан с «растеканием» по стране значительной денежной массы, «импортированной» из России. Это благотворно сказалось на потребительском рынке, активизировался строительный рынок, были созданы тысячи рабочих мест (на которые, впрочем, зачастую завозились иностранцы, особенно в строительной сфере). Однако уже с 2014 года начали происходить важные изменения в характере и программах российского содействия социально-экономическому развитию Абхазии, оформившиеся

затем в новом Договоре о союзничестве и стратегическом партнерстве с Россией.

В номинальном исчислении, суммы не стали значительно меньше, но 1 миллион рублей в 2010 году, и эта же сумма в 2016 году - совершенно разные деньги. На невозможность продолжения «распределения» по стране российских денег сильно повлияло также изменение технологических параметров их освоения. Известно, что в прошлом, 2015 году многие из планировавшихся проектов так и не удалось начать, поскольку в Абхазии нет возможностей делать качественную предпроектную экспертизу.

В 2016 году эта проблема сохраняет свою актуальность. Но даже если бы всех этих технических препятствий не было, объемы российской финансовой помощи недостаточны для того, чтобы стать инструментом урегулирования внутривнутриполитической обстановки в стране.

В прошлые годы обеспеченные слои населения начали создавать активы в бизнесе. Но хорошие времена продолжались недолго, поэтому сегодня все эти активы в разной степени консервации. Многие из вновь созданного имущества необходимо поддерживать, что требует дополнительных расходов, поэтому возникли огромные по абхазским меркам долговые обязательства.

Сейчас все элитные группы ищут способы за счет политики решить свои проблемы. Например, недавний конфликт вокруг контроля за МВД связан, отчасти, с тем, что бюджет совместного с российской стороной Информационно-координационного центра, по имеющейся информации, составляет около 300 миллионов рублей в год. В текущих условиях это серьезный финансовый ресурс, за который будет продолжаться борьба.

В целом, финансовый запрос элитных групп абхазского общества сегодня настолько высок, что дополнительные вливания в эту среду денежных средств - якобы «для снижения напряженности», могут сработать наоборот, на усиление противостояния из-за ожесточенной борьбы за ресурсы.

Износ инфраструктуры – еще одна серьезная проблема, усиливающая напряженность в стране. Сейчас значительная часть средств в рамках Инвестиционной программы используется именно для проведения тех или иных инфраструктурных проектов - ремонт и строительство дорог, ЖКХ, и так далее.

Но износ основных фондов, несмотря на эти вливания, критический. В Сухуме не реже раза в год происходит серьезное наводнение. Слабеющее

государство не в состоянии запустить проекты развития, скажем, в энергетической сфере, которые помогли бы решить одну из серьезнейших коммунальных проблем страны.

Слабеющее государство – это, пожалуй, главная проблема в Абхазии. Не происходит модернизации систем управления, нет работы над совершенствованием механизмов, обеспечивающих функционирование систем жизнеобеспечения страны.

Городское хозяйство Сухума и других городов не являются единым комплексом, не хватает профессиональных управленцев в этой сфере. Уничтожена культура соучастия людей в жизни государства. Граждане отвыкли платить налоги, оплачивать коммунальные платежи.

При этом текущая ситуация требует совершенно иного уровня финансирования инфраструктуры. Государство не имеет ни собственного ресурса, ни воли для того, чтобы добиться от населения оплаты коммунальных услуг, ни способностей для того, чтобы привлечь внешние инвестиции для восстановления инфраструктуры.

Зависимое от все более усложняющейся политической конъюнктуры и многообразия интересов участников, государство перестает быть регулятором чего-либо в принципе. Население ощущает это всё более наглядно и зримо: регулярные перебои со светом, водой, изношенность многоэтажных домов, плохие дороги, наводнения - все это становится поводами для выражения политического и социального протеста.

Политическую напряженность дополняет стабильно сложная криминогенная обстановка. Участились случаи похищения людей. В криминальную среду регулярно интегрируется заметное количество молодежи, выросшей в условиях коллапса образовательной системы и не имеющей никаких шансов для того, чтобы содержать себя и семью за счет законных заработков.

Каждую из вышеперечисленных тем можно рассматривать подробнее и глубже, но в целом, политический кризис в Абхазии является отражением более глубокого и очень сложного кризиса государственности. Поэтому легких путей для оздоровления ситуации не существуют. Необходимы комплексные для государства и общества решения.

Парламентские выборы 2017

Начинающаяся кампания по выборам в парламент республики будет порождать как новые кризисные темы, так и актуализировать старые.

Интерес к этим выборам, вероятно, будет очень высоким, в отличие от навязанного обществу референдума о переносе президентских выборов. В данном случае это чистая политика - парламент в абхазских условиях не то место, где распределяется реальный контроль над ресурсами.

Основные силы, которые имеют шансы на получение депутатских кресел выглядят следующим образом:

Это, в первую очередь, провластный блок. Пока неизвестно как именно он институционально оформится, но можно ожидать, что остатки властной коалиции, добившейся победы в 2014 году, смогут вновь объединиться.

«Классическая» оппозиция в лице партии «Амцыхара», движения «Женщины в политике» Ирины Агрба и других союзных сил, несомненно, будут пытаться взять парламент под свой контроль.

Отдельным блоком пойдут молодые политики и новые политические структуры, представленные в основном молодежью. Речь идет о партии «Айнар» и других новых игроках. Вряд ли кто-то из них добьется успеха как политическая сила, но лидеры вполне могут получить депутатские мандаты.

Отдельно также следует рассматривать ряд влиятельных на политическом поле сил, у которых есть свобода маневра. Это партия «Единая Абхазия» под руководством Сергея Шамба. Ее ключевой ресурс – люди на местах плюс близость к бюрократической среде.

Свою скрипку на парламентских выборах может сыграть бывший президент Александр Анкваб. Он воссоздал под руководством своего ближайшего соратника Леонида Лакербая движение «Айтайра», не исключено, что единственной его задачей на этот период времени будет продвижение самого Анкваба в парламент, где потом наверняка, ключевые фигуры абхазской политики столкнутся в борьбе за кресло спикера.

Тактические перипетии абхазской политики в условиях развития кризиса государственности имеют второстепенное значение. Вышеописанные ключевые проблемы, формирующие напряженность, не могут быть решены за счет кулуарных политических процессов.

Операция «референдум»

Назначение на 10 июля 2016 года референдума о досрочных выборах президента Республики Абхазия явилось результатом сочетания двух комбинаций. Первый момент – это надежда Рауля Хаджимба на кулуарные договоренности с лидером Блока оппозиционных сил Асланом Бжания и

лидером «Амцахара» Алхасом Квициния о своего рода "договорном матче": власть назначает референдум, а оппозиция его технично проигрывает.

Второй момент – это надежда власти на срыв референдума. По мнению тех, кто действовал в этой логике, референдум должен был сорваться, в первую очередь, из-за проблем с явкой – что и произошло. Жители республики не пришли на референдум по трем основным причинам:

а) нежелание заметной части электората портить туристический сезон политическими проблемами,

б) нежелание некоторых национальных общин (например, армянской) вмешиваться в абхазские политические проблемы

в) усталость значительной части жителей Абхазии всех национальностей от политики вообще.

При этом подковерная борьба вокруг сорванного референдума велась вполне серьезная.

Оппозиция в лице Бжания и Квициния в определенный момент почувствовала, что власть не совсем настроена в сторону "договорного матча". Назначение Беслана Барциц главой администрации президента, а далее – премьер-министром стало знаком усиления "ардзинбовского клана", неприемлемого для основных лидеров оппозиции. Немаловажной причиной для радикализации лидеров оппозиции была и такая вещь, как несоблюдение властью экономических договоренностей. Маркером стало поведение "ардзинбовцев" в отношении экс-секретаря Совета Безопасности (до этого многолетнего спикера Парламента Абхазии) Нугзара Ашуба, у которого отобрали часть санаторно-гостиничного комплекса "МВО". (Напомним, что в прошлом году эта часть "МВО" была отдана ему в обмен на скрытую лояльность.) Один из местных экспертов так описал произошедшее: "Лидеры оппозиции поняли: если сначала так покупают лояльность, а потом кидают, то с людьми, которые так делают, договариваться нельзя".

Потом сама власть устроила фальстарт. Не успел Хаджимба подписать указ о назначении референдума, как значительная часть провластных структур начала активно агитировать не ходить на него. Таким образом, они слишком рано и слишком грубо показали, что желают срыва референдума.

Судя по тому, как грубо и непрофессионально по многим параметрам был проведен референдум, аналогичная подготовка к парламентским выборам 2017 года может привести к перманентному политическому

кризису, который продлится весь остаток 2016 и значительную часть 2017 года.

Это приведет не только к срыву любых политических и экономических инициатив в российско-абхазских отношениях, но и вполне может негативно сказаться на их общем фоне и динамике развития.

Абхазский политический кризис – это и радикализация местных политических групп, и необходимость для Москвы все более часто и открыто вмешиваться во внутривнутриполитические дела Абхазии. Сочетание этих двух моментов будет вести только к ухудшению российско-абхазских отношений. Более того, не исключена ситуация, когда придется договариваться с наиболее неудобным для Москвы партнером.

Чтобы это исключить, необходима определенная консолидация вокруг российских интересов следующих частей абхазской политической сцены: традиционных центристских союзников («Единая Абхазия», «Апсадгьил» и т.д.), умеренной и готовой к компромиссу части «Амцахара», а также договороспособной части «улицы». Эта задача требует применения не прямых административных рычагов, а тонкой и сложной работы.

3. Причины и следствия «колониальной политики»

События последних двух лет в Абхазии и вокруг нее порождают все больше разговоров о кризисе в российско-абхазских отношениях. Основных объяснений этому кризису два.

Согласно первому, абхазские элиты (а также общество) привыкли к деньгам из российского бюджета и стремятся строить за счет России своей проект, к которому некоторые российские комментаторы уже навесили ярлык «этнократического». В некоторой степени это иждивенчество, безусловно, присутствует, и мы рассмотрели его влияние на внутривнутриполитическую ситуацию в республике.

Но не следует забывать о второй причине кризиса - работе российских структур, занятых в сфере российско-абхазских отношений. Именно они наравне с абхазскими элитами, отвечают за двусторонние отношения.

Разумеется, к качеству абхазской элиты можно предъявлять претензии. Однако в каждой постсоветской стране местные элиты страдают многочисленными изъянами и пороками, вызванными, во многом, скоростью и масштабом катастрофы, которая произошла с СССР.

Быстрый переход от упорядоченной советской политико-экономической системы к рыночным отношениям привел к резкому взлету коррупции, преступности и других негативных явлений. В Абхазии все вышеописанное наложилось на военные и поствоенные будни. В любом случае, другой элиты в Абхазии нет, и в ближайшее время не появится.

Что же касается российских государственных структур, отвечающих за российско-абхазские отношения, то любые отношения России с окружающим миром требуют наличия на основных участках работы надежных, компетентных и знающих регион работников, рассредоточенных по основным направлениям.

Первая и главная проблема в российско-абхазских отношениях – это *дефицит экспертного знания и перекаldывание основной нагрузки на бюрократию.*

Из этого следует непонимание целого ряда других проблем, в том числе самого характера идущих сегодня в Абхазии процессов. Из виду упускается тот момент, что как только Абхазия выдвинула свой государственный проект, а Россия согласилась с его существованием (в том числе – и в форме официального признания), то в стране начался процесс строительства нации. Отметим, что гражданская нация в многонациональных государствах строится всегда на базе основного этноса.

Этот процесс в Абхазии осложнен несколькими факторами:

- есть реальная угроза того, что абхазский этнос может снова оказаться в меньшинстве в окружении других этнических общин, которые окажутся в большинстве. Этот страх присутствует и в абхазской элите, и в обществе;

-по мнению ряда абхазских политиков и деятелей культуры, существует определенная угроза исчезновения абхазского языка, который может быть вытеснен русским языком;

-в сознании абхазского народа сохраняются (и активно культивируются из-за рубежа) негативные слои исторической памяти, касающиеся Кавказской войны 1817-1864 гг. В первую очередь, речь идет о мухаджирах – вынужденных переселенцах в Османскую империю, чьи потомки пытаются влиять на ситуацию на родине предков.

Некоторые эксперты отмечают, что абхазское политическое мышление последних десятилетий – это постоянная готовность к мобилизации за счет внешней опасности. В этой ситуации тема суверенитета и уважение к атрибутам этого суверенитета во многом используются именно как инструмент такой мобилизации.

Следует учитывать и то, что в настоящее время на политическую арену выходит поколение, которое уже слабо помнит (или не помнит вообще) советский опыт.

При этом зачастую молодые политики со свойственным их возрасту максимализмом не делают различий между страной и существовавшим в ней политическим режимом. С этим придется не только считаться, но и выработать особые формы работы и диалога, которые не должны сводиться к конфронтации. И апелляция только к общему советскому наследию уже не может быть панацеей.

Очевидно, что игнорирование вышеперечисленных моментов не могло не привести к проблемам при проведении через парламент принципиального для многих абхазов закона о либерализации рынка недвижимости для иностранцев.

При этом сначала все моменты, связанные с национальным строительством, демонстративно не замечались и игнорировались, а затем началась фактически показательная кампания по борьбе с «абхазским национализмом».

В связи с этим следует выделить и еще одну важную проблему – это ***попытка вписать те или иные межпартийные и межобщинные внутренние противоречия в абхазском обществе в контекст российско-абхазских отношений.***

Например, к лоббированию закона о либерализации рынка недвижимости были привлечены несколько центристских политических сил, которым тут же был наклеен ярлык «пророссийских».

Партиям, которые выступали против данных инициатив, некоторые СМИ (например, сайт «Абхазия24») клеили ярлык «антироссийских», и даже «турецких агентов».

Особенно упорный поиск «антироссийских сил» начался с момента обострения российско-турецких отношений в ноябре 2015 года, и сейчас, на фоне потепления отношений эти «поисковики» находятся в весьма странном положении.

При этом основной вред за счет подобного позиционирования наносился и продолжает наноситься именно центристским политическим силам Абхазии, которые начинают ассоциироваться с непродуманными инициативами московских инстанций, а сами эти инстанции с российской политикой в целом.

Что касается межэтнических вопросов, то в Абхазии в околополитических и интересующихся политикой кругах давно ходят слухи, что некие российские инстанции делают ставку на противопоставление армянской общины абхазскому населению. При этом якобы российская сторона симпатизирует именно армянской общине. Очевидно, что такого рода слухи – это результат той политики «борьбы с абхазским национализмом», которую мы наблюдаем.

Третий момент, который следует выделить – это *подбор кадров, специально никак ранее не связанных с регионом.*

Данный подход мотивируется тем, что нужно набрать людей, не способных лоббировать те или иные интересы, связанные с местными (в данном случае – абхазскими) кланами. Однако в реальности получается, что люди вынуждены слишком быстро входить в курс дел региона, который непросто устроен и достаточно трудно открывается для чужака.

Более того, следует подчеркнуть, что ставка на людей, далеких от региона, еще не означает гарантированной равноудаленности. Опыт показывает, что зачастую такие вот далекие от региона люди (зачастую с налетом «колониальной» амбициозности и снобизма) в республиках очень быстро оказывались под влиянием самых одиозных и активных местных кланов.

Так называемый «проектный подход» в кадровой политике курирующих инстанций, создает излишнюю суету в двусторонних отношениях. И формально указывает на второстепенный уровень взаимодействия на межгосударственном уровне между Россией и Абхазией.

В этой ситуации у многих представителей абхазской элиты складывается ощущение, что в Москве не рассматривают российско-абхазские отношения как что-то важное и стратегически значимое. В ответ они не могут и не желают продемонстрировать иного интереса, кроме сиюминутно-меркантильного.

4. Выводы и рекомендации

В данном кратком исследовании мы изучили основные проблемы абхазской внутренней политики и российско-абхазских отношений. В условиях обострения напряженности в большинстве приграничных государств России необходимо принять экстренные и действенные меры для поддержки дружественного абхазского государства. Предыдущий «проектный» подход себя явно не оправдал.

В складывающейся ситуации прямой интерес Российской Федерации - купировать надвигающийся политический кризис в Абхазии максимально безопасным способом.

«Колониальный» снобистский подход в отношениях с соседним дружественным государством неприемлем. Абхазская элита в отсутствии реальных перспектив внутреннего развития ориентируется на распределение российской финансовой помощи, чем и обусловлены внутривнутриполитические кризисы 2014-2016 гг. Очевидно, что молодое абхазское государство в первую очередь нуждается в помощи в построении системных государственных институтов и самодостаточной экономики, в подготовке кадров, в экспертной поддержке. Россия как страна-гарант безопасного развития молодого абхазского государства может и должна оказывать реальную помощь именно в этом, не ограничиваясь «проектами».

Стремительно меняясь сама, Россия может дать Абхазии новую матрицу государственности, которая опирается на максимальную открытость политических процессов. Практика внутриэлитных договоренностей без учета мнения и запросов социальных общественных групп, без обратной связи с обществом приводит к стагнации и социальной апатии, перманентным кризисам и замедлению темпов развития. В условиях масштаба Абхазии лимиты времени на подобные упражнения исчерпаны.

Нужен новый образ будущего для абхазского государственного проекта. Если хотите формулирование миссии абхазцев в регионе Закавказья. В этом контексте можно обсуждать полновесное равноправное участие Абхазии в среднесрочной перспективе в интеграционных межгосударственных проектах вокруг России. Таких как ЕАЭС, ОДКБ, Таможенный Союз и др. Учитывая складывающуюся положительную конъюнктуру в треугольнике Россия-Иран-Турция это более чем реальность.

Москва-Сухум, август 2016